

Небольсин Павел Иванович

Рассказы проезжего

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Рассказы проезжего / Небольсин Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
348 с.

ISBN 978-5-519-98730-1

ISBN 978-5-519-98730-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Валеріи Ивановичъ былъ благовоспитанный, много на своемъ вѣку выдавшій, благородный, скромный, добрый и честный человекъ, но немножко эксцентрикъ.

— Нѣтъ, Валеріи Ивановичъ! сказала я ему однажды: — я перестаю вѣрить въ свое *man kann, was man will*.

— Это почему?

— Препятствія неотстранимы!

— Вотъ вздоръ какой!.. Не хотите ли вы осѣдлатъ себя и подставить спину обстоятельствамъ? Слуга покорный! На что жъ намъ далъ Богъ силу воли, какъ не на то, чтобы побороть враждебную судьбу... Вѣдь вашу просьбу исполнять? вѣдь вамъ здѣсь, для вашего путешествія, отсылаютъ малую-толику и дадутъ письмо къ Платону Меценатину?

— Я просилъ... ну, а какъ не исполнять?

— Быть этого не можетъ: цѣль-то поѣздки вашей такая, что ее уважать надо, надо на дѣлѣ выразить къ ней уваженіе.

— Ну, а какъ разсудить такъ, что исполненіе-то этой цѣли мнѣ не по плечу, и что самъ-то я не счумѣлъ еще заслужить такого огромнаго и лестнаго поощренія?

— Да ужъ я, вамъ говорю, что вы поѣдете — вы и поѣдете! Но если сомнѣніе ваше осуществится, я отстраню всѣ помѣхи. Дормезъ мой къ вашимъ услугамъ; если Меценатинъ не размеценатится и за душевной мечты вашей не приголубитъ, я вамъ вручаю свой капиталецъ, маленькій, но на полгода разъѣздовъ его для васъ хватитъ. Я самъ въ Заволжье ѣду, полгода пробуду тамъ, вы объѣздите мѣстности, подлежащія вашему изслѣдованію, и къ зимѣ мы опять вдвоемъ воротимся сюда, въ Петербургъ...

Черезъ недѣлю, въ вечеръ, предшествовавшій дню, назначенному для нашего выѣзда, участь моя рѣшилась: мнѣ вручено, между прочимъ, и письмо къ Меценатину. Нравственными пособіями, которыя, при такой обстановкѣ дѣла, были для меня и благодѣтельны и неопѣненны и, дѣйствительно, дороже всякихъ вещественныхъ пособій, я снабженъ былъ щедро: они разожгли мою энергію и влили въ меня огромный запасъ свѣжихъ силъ.

Седьмого апрѣля тысяча восемьсотъ пятидесятаго года, въ четыре часа пополудни, я, вмѣстѣ съ Валеріемъ Ивановичемъ, засѣлъ въ снабженный всѣми ухищреніями изобрѣтательности дормезъ и — прощай Петербургъ надолго!

О, съ какой радостью уѣзжалъ я отсюда! какъ весело мнѣ было оторваться отъ путъ, которыми я здѣсь былъ связанъ!..

Весело!.. Какъ измѣняется человекъ въ своихъ привязанностяхъ! Какъ много въ десять лѣтъ можетъ онъ изжить!.. Какіе тяжелые уроки даетъ ему опытность!..

Десять лѣтъ назадъ, я уѣзжалъ отсюда не съ радостью въ сердцѣ, а съ тоской и отчаяньемъ. Я не зналъ, что мчусь къ разочарованію; я вѣрилъ въ лучшую участь и покидалъ Петербургъ съ заглушенными стонами, но съ влажными глазами не отъ предчувствій, а отъ другихъ причинъ. Я оставлялъ здѣсь все, что было сердцу драгоцѣнно.

Я покидалъ здѣсь всѣ свои привязанности и ѣхалъ жить съ людьми, мнѣ совершенно-незнакомыми. Когда миновали послѣднія городскія зданія, когда для нашего проѣзда подвысили плагбаумъ, у меня какъ-будто го-то оторвалось отъ сердца; я обезпамятѣлъ и весь превратился въ страданіе!

Какая противоположность съ тѣмъ прощальнымъ днемъ, который наступилъ черезъ десять лѣтъ послѣ перваго моего выѣзда!

При выѣздѣ ни одно грустное чувство меня не томило. Я радъ былъ оторваться отъ здѣшней жизни, я радъ былъ подышать свободно вдали отъ столицы, въ тиши дальнихъ селъ и деревень, въ безграничномъ пространствѣ дальнихъ степей.

Колѣса дормеза звонко загрохотали по прохваченной легкимъ морозомъ мостовой; дорнетъ петербургскаго зѣваки уступилъ мѣсто странническому посоху.

— Ну вотъ вамъ, Петербургскій Уѣздъ, говорилъ Валерій Ивановичъ: — прощайте болота и туманы; прощайте морскіе вѣтры, насморкъ и простуда.

— Дѣ, мы много выигрываемъ, отправляясь въ страны, гдѣ нельзя быть нездоровымъ; насъ много тамъ займетъ другая природа, другая публика, другіе нравы, другія увеселенія...

— Вы объ увеселеніяхъ-то немного хлопочите: извольте присматриваться къ чему-нибудь посущественнѣе; съ самаго начала опредѣлите себѣ предметы, которые должны обращать на себя преимущественное ваше вниманіе.

— Я буду присматриваться къ торговому классу и постараюсь знакомиться съ торговыми обычаями.

— И хорошо; а я буду читать книги, читать вамъ то, что писано о мѣстѣ, чрезъ которое мы проѣзжаемъ, да постараюсь изучать русскія шапки... вѣдь вы знаете, что В. И. Даль, по шапкѣ, да по манеру носить армякъ, да по говору, въ одну минуту опредѣлитъ вамъ не только губернію, но даже уѣздъ, къ которому принадлежитъ субъектъ, подлежащій его умственному скальпелю.

— Ну, гдѣ жъ намъ на полетѣ, при быстрой ѣздѣ, все подсмотрѣть!

— Все? Къ-чему все? Будемъ дѣлать, что намъ подь-силу. Вотъ видите: идутъ возы. Изъ дырявыхъ мѣшковъ, составляющихъ кладъ ихъ, ключьями торчатъ шерсть; ее везутъ къ Петербургу изъ центральныхъ и степныхъ губерній. Не пройдетъ году—и шерсть не будетъ тянуться къ намъ изъ Москвы сухопутнымъ цѣлыми недѣлями, а будетъ поспѣвать къ намъ въ двой сутки. А вотъ изъ дальнихъ деревень везутъ къ намъ сѣно; въ иныхъ губерніяхъ считается веселуханнымъ дѣломъ, чтобъ такой громоздкій продуктъ могъ быть доставляемъ за сотни верстъ. Вотъ тянутся обозы со стекломъ и пухомъ—и все это для Петербурга, въ которомъ считается четырнадцать рынковъ, триста фабрикъ и заводовъ и до шести тысячъ лавокъ и магазиновъ. А мужики здѣсь, посмотрите, щеголяютъ въ жилетахъ, носятъ фуражки съ козырькомъ; ямщицкія шапки здѣсь неуклюжи и коротенькія поля ихъ круто завертываются кверху, къ низенькой тулѣ... Замѣчайте все!... все записывайте!...

Но любопытное мало кидалось намъ само въ глаза.

На утро слѣдующаго дня мы пили чай въ Новгородѣ. Въ промышленномъ отношеніи, городъ этотъ замѣчательнъ производствомъ значительнаго торговаго хлѣбомъ и паромовъ по Волхову, отъ Новгорода до Соснинской Пристани.

Въ Новгородской Губерніи два замѣчательные канала, одинъ—«Вишерскій», проведенный для обхода бурливаго озера Ильменя и пропускающій суда, идущія по вышневолоцкой системѣ, прямо изъ Меты въ Волховъ; другой—«Тихвинскій», по которому грузы съ Волги, достигшіе, черезъ рѣки Мологу и Чагодощу, до р. Соминки вступаютъ въ Тихвинку, изъ нея въ Сясь и потомъ уже въ Ладужскій Каналъ.

Въ Ладужскомъ Каналѣ соединяются всѣ суда, идущія съ Волги и раздѣляющіяся по тремъ системамъ: вышневолоцкой, маріинской и тихвинской. По водамъ этихъ трехъ системъ ежегодно проходитъ болѣе шестидесяти тысячъ судовъ и плотовъ съ грузомъ миллионъ во сто серебромъ. Отъ судоплаванія по этимъ тремъ системамъ получаютъ обезпеченное существованіе около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ народу, судовладельцы и судорабочіе.

Суда съ грузами, назначенными съ Волги въ Петербургъ, раздѣляются подъ Рыбинскомъ; по вышневолоцкой системѣ имъ нужно пройти 1,309 верстъ, по маріинской — 1,054 версты, а по тихвинской—847 верстъ. По этой послѣдней системѣ ходятъ только неглубоко-сидящія суда, нагруженные, для уравниванія издержекъ, соответственно своей вмѣстимости, болѣе-цѣнными товарами.

Мѣстная промышленность уѣздовъ, которые намъ надо было проѣзжать, выразилась немногочисленными заведеніями. Такъ, напримѣръ, въ Новгородскомъ Уѣздѣ, въ 1880 году, существовалъ одинъ кожевенный заводъ, два заведенія для мыловаренія и выдѣлки сальныхъ свѣчъ, двѣ восковыя и двѣ писчебумажныя фабрики. Въ этомъ же уѣздѣ расположены округи пахотныхъ солдатъ. Главный пунктъ и городъ военныхъ поселеній, Старая-Руса, тѣмъ для насъ замѣчательнъ, что тутъ находятся казенныя соляныя варницы, на которыхъ ежегодно получается отъ 130 до 150 тысячъ пудовъ соли. По замѣчанію нашего маститаго статистика, рѣдкаго знатока богатствъ Россіи въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, К. И. Арсеньева, около Новгорода и Старой-Русы грунтъ земли необыкновенно-поправился со времени водворенія здѣсь военныхъ поселеній. Онъ говоритъ утвердительно, что въ цѣлое столѣтіе не было бы сдѣлано обыкновеннымъ порядкомъ того, что произведено въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ къ воздѣланію и осушенію полей.

Говорили мнѣ, что гдѣ-то, въ Новгородскомъ Уѣздѣ, открыто мѣсторожденіе каменнаго угля; но этому трудно повѣрить: наукой уже давно признано, что здѣсь каменнаго угля быть не можетъ; а если и есть что-либо подобное, то это лигнитъ, давно уже открытый по рр. Мстѣ, Крупницѣ, Гремучей и Црыкшѣ.

Въ Крестецкомъ Уѣздѣ есть одно «мануфактурное» заведеніе: это—фабрика льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій. Мнѣ хотѣлось узнать, ка-

кія же тутъ «льняныя издѣлія»? Открылось, что это—веревки! Гораздо-важнѣе четыре лѣсопильные завода.

Городъ Валдай, менѣе-незначительный, чѣмъ Крестцы, гремитъ по цѣлой Россіи своими колокольчиками и колоколами. Чуть-ли не во всей Россіи почтовые колокольчики—валдайскаго происхожденія.

Валдайскія Горы, поднимающіяся на 1250 футовъ надъ уровнемъ моря, составляютъ самое большое возвышеніе той великой плоской возвышенности, которая именуется Алаунскими Горами или Волконскимъ-Лѣсомъ, и которая замѣчательна тѣмъ, что въ ней получаютъ свое начало три великія рѣки: Днѣпръ, текущій на югъ, Волга, направляющаяся на юговостокъ, и Западная Двина, направляющаяся къ западу.

Картины, представлявшіяся намъ по сторонамъ дороги, были разнообразны. Прямая линія полотна шоссе; сугробы снѣга у канавокъ; здоровый, плотный, молодцоватый народъ, въ надѣтыхъ на бекрень шапкахъ; на поляхъ—разливы тающихъ снѣговъ; на улицахъ у домовъ—топкая грязь. Дѣвчонки, въ коротенькихъ сарафанахъ, скачутъ на доскѣ; молодыя дѣвушки шушукуются съ парнями; красавцы-юноши и взрослые мужики геркулесами рисуются въ разныхъ положеніяхъ: первые—усладительными звуками выдѣлываемыхъ въ Тулѣ гармоникъ увлекаютъ въ плясъ сосѣдокъ; послѣдніе, горделиво закутавшись армякомъ, будто альмавивой, исподтишка отпускаютъ дуговые каламбуры прохожимъ молодлицамъ.

Когда я, черезъ полтора года, возвращался по этой же дорогѣ назадъ, аксессуары картины были все тѣ же; но мнѣ памятна одна ночь, совершенно по другому обстоятельству.

Это было въ половинѣ сентября 1851 года. Я ѣхалъ въ почтовой каретѣ съ «экстрой»; мѣста на весь сентябрь были давно ужъ разобраны и я былъ радъ-радѣхонекъ, что успѣлъ добыть себѣ билетъ на мѣсто снаружи экипажи.

Ночь была темная, сырал, холодная и безлунная. Испаренія болотъ и озеръ точно изъ-подъ земли выросли высоко взнесшимися столбами. Туманъ былъ густъ до такой степени, что краевъ дороги было вовсе не видать. Даже свѣтъ нашихъ фонарей не хваталъ на такое разстояніе, котораго намъ было бы достаточно для того, чтобъ оглядѣть тянувшіеся впередъ насъ обозы. Кругомъ царствовалъ мракъ, въ буквальномъ смыслѣ непроницаемый.

Но небо было чисто; ни одно облачко не пестрило собою его густой, темносиней выси, и только купы невѣдомыхъ намъ міровъ звѣзднаго пространства, точно въ сладостной нѣгѣ, дрожали и проливали на нашъ міръ свое тихое мерцаніе. Издавна-знакомые намъ по своей видимой крупнинѣ, планеты съ блескомъ горѣли въ зенитѣ и играли яркими искрами; другія звѣзды, здѣсь и тамъ едва-мелькавшія и казавшіяся только неуловимыми точками, теплились слабо; повременамъ они какъ-будто мигали, повременамъ загарались съ новою силою, потомъ опять слабѣли, на мгновеніе будто вовсе потухали, но еще мигъ—и изъ этой же точки на насъ несся новыи блестящій лучъ свѣта. А то, вниманіе почему-то устремится на одну какую-нибудь яркую

звѣздочку, которая займетъ васъ разноцвѣтными своими переливами; то кидаетъ она серебристый лучъ, то вдругъ задрожитъ розовымъ блескомъ, то вспыхнетъ зеленоватымъ огнемъ, словно изумрудъ какой... Но вотъ неравномѣрное ея мерцаніе превращается въ замѣтное колебаніе... она качнулась — и высь озарилась продольною бѣлою струйкой. Звѣздочка полетѣла... пролетѣла... рассыпалась... исчезла — и только впечатлѣніе, оставленное ея полетомъ въ нашемъ глазѣ, кажется намъ будто бы въ-самомъ-дѣлѣ видимымъ слѣдомъ.

Но вотъ мы миновали мостъ черезъ Мсту — и картина совершенно измѣнилась. Доселѣ ѣхали мы въ полномъ мракѣ; теперь неслись въ невѣдомомъ мірѣ. Туманъ сдѣлался плотнѣе и застилалъ передъ нами все, что могло быть досягаемо глазу: и звѣзды, которыя до сей поры блестѣли намъ въ своемъ естественномъ видѣ, доходили теперь до нашего зрѣнія не простыми точками, а представлялись неизмѣримыми, прямыми, параллельными линіями, полосившими мглу ярко-серебряными чертами. Это была одна изъ тѣхъ фантастическихъ ночей, впечатлѣніе которыхъ остается въ человѣкѣ во всю жизнь. Я не знаю съ чѣмъ сравнить нашу дорогу. Мнѣ казалось, что насъ какою-то силою перенесло на другую планету и что мы ѣхали длиннымъ, на нѣсколько верстъ длиннымъ, безпредѣльной высоты корридоромъ, несомъ стѣны котораго были обставлены неисчислимыми рядами брилліантовыхъ колоннъ!... Мнѣ въ ликовинку было такое зрѣлище.

— Посмотрите-ка, сосѣдь, какое здѣсь невообразимое великолѣпіе! сказалъ я сидѣвшему рядомъ со мной господину въ свѣтлостромѣ, долгополомъ бекешѣ на лисьемъ мѣху.

— Гдѣ, сударь?... вотъ ужъ я всхрапнулъ, такъ всхрапнулъ! отвѣтилъ онъ мнѣ, лѣниво, но очень-звонко потягиваясь.

— Да вотъ, посмотрите: мы точно между двухъ алмазныхъ стѣнъ ѣдемъ!

— Да чего жъ тутъ такого смотрѣть? Отъ тумана всегда такъ бываетъ! Дива нѣтъ.

Сосѣдь мой зѣвнулъ еще разъ, надвинулъ на себя шапку поплотнѣе, прижался въ уголокъ и снова захрапѣлъ сладко.

На третій день нашего выѣзда изъ Петербурга, мы съ Валеріемъ Ивановичемъ, часовъ въ семь утра, должны были остановиться въ Вышнемъ Волочкѣ и провести здѣсь лишній часъ времени, чтобъ подспергъ какой-нибудь подставкой переднюю рессору, осѣвшую вслѣдствіе тяжелой клади—книгъ, уложенныхъ нами въ передній ящикъ. Книжки, тамъ схороненныя, должны были служить для насъ пособіями для мѣстныхъ изысканій; небольшая же библіотека для дорожнаго развлечения была у насъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, подъ-рукой; она помѣщалась въ стѣнкахъ дормеза, за обитой сафьяномъ потайной дверцей. Раскинемъ ли мы въ дормезѣ наши походныя кровати, усядемся ли въ немъ за завтракъ — любую книгу всегда легко было взять, если бѣ открылась въ ней какая-нибудь необходимость.

Пока пріискивали столяра, я наслаждался чаемъ въ скромныхъ комнаткахъ почтоваго дома, помѣщенного вдали отъ центра города.

Раздался звонъ колокола—и изъ нашего околотка народъ густыми толпами сталъ проходить къ собору.

— Вотъ видите : мы въѣхали наконецъ въ территорію, гдѣ ясно и видимо во всемъ преобладаетъ московскій элементъ, говоритъ мнѣ Валерій Ивановичъ.— Тамъ, въ Новгородѣ, была смѣсь французскаго съ нижегородскимъ; руссизма было мало; онъ выражался тамъ хлѣбной торговлей, чуйками, синими кафтанами; но рядомъ съ ними, по крайней-мѣрѣ въ параллель съ ними, вы замѣтили и пальто и штрипки, и тиро-лекъ, и чепчики на сильно-набѣленныхъ купчихахъ. А здѣсь не то. Вотъ посмотрите на этого мужчину съ бородой: по складу, по походкѣ, по взгляду, по всему замѣтно, что онъ не послѣднія спица, и считаетъ себя въ правѣ, для праздника, прифрантиться. Онъ картуза не надѣлъ: у него явилась потребность въ шляпѣ. И, смотрите, какіе здѣсь носятъ шляпы! Чуть не аршинная тулья, ровная, высокая съ самыми маленькими полями! И замѣтте себѣ: чѣмъ дальше мы будемъ проѣзжать, тѣмъ эти шляпы болѣе будутъ суживаться въ верхнемъ кружкѣ и ближе подходить къ своему первообразу — московскому гречневикъ... Въ Москвѣ носятъ шляпы совершеннымъ гречневикомъ.

— Вы меня утѣшаете!... Я буду имѣть случай вывести то заключеніе, что первообразъ парижскихъ шляпъ есть киргизскій калпакъ. Въ Волочкѣ модная шляпа немножко повытянулась, въ Москвѣ она превратилась въ гречневикъ, въ Казани измѣняется черный ея цвѣтъ на бѣлый, наконецъ, въ Оренбургѣ, если только мы попадемъ туда, мы увидимъ прототипъ нашего головного убора—въ бѣломъ, войлочномъ калпакѣ.

— Ну! вы ужъ сейчасъ и на Киргизовъ съѣхали! Киргизы совсѣмъ не наша раса: и цвѣтъ, и покррой, и форма ихъ калпаковъ есть необходимый, разумный, чисто-логическій результатъ топическихъ условій. Въ степи лѣтомъ, на открытомъ воздухѣ, человѣку нечѣмъ иначе прикрыть бритую голову, какъ только войлочнымъ, непременно войлочнымъ и неизмѣнно-бѣлымъ калпакомъ...

— Дѣйствительно, наша раса совершенно-иная. Мы въ трескучіе морозы въ легкихъ шелковыхъ шляпахъ щеголяемъ! Тутъ та же причина—географія!

— Смѣйтесь, но помните, что мы—раса благовоспитанная, и что если и ставимъ иногда условія топическія на задній планъ, зато на передній выдвигаемъ чисто-гигіеническія причины.

— Такъ мы простуживаемъ голову для здоровья?

— Нѣтъ-съ; мы держимся предписаній Иппократа, слѣдуемъ наставленіямъ Гуфеланда и помнимъ, что надо «голову держать въ прохладѣ, а ноги—въ теплѣ». Но мы отдаляемся отъ предмета. На здѣшнихъ мѣщанкахъ вы чепчика не увидите. Конечно, здѣсь чисто-русскія красавицы румянятся не на животъ, а на смерть; но вѣдь эту слабость намъ надо извинить: здѣсь свой баканъ и карминъ; они дешевы, да и изготовляются въ обширныхъ размѣрахъ въ одномъ изъ городовъ Тверской Губерніи, именно во Ржевѣ.

— Такъ поэтому страсть Волочанокъ и Новоторокъ къ притираньямъ есть нечто иное, какъ поощреніе туземной промышленности?

— Я вамъ говорю дѣло, а вотъ вы все въ шутку обращаете! А въ-самомъ-дѣлѣ обратите-ка вы вниманіе на мѣстные промыслы, и увидите, какое здѣсь обиліе разныхъ ихъ отраслей. Съ одной стороны, чисто-земледѣльческій характеръ страны, съ другой — особенно въ сосѣдствѣ съ Владимірскою Губерніею — мануфактурная дѣятельность. Напримѣръ, въ Корчевскомъ Уѣздѣ въ глаза бросается ткачество и производство миткалей, а въ одной мѣстности этого уѣзда, въ селѣ Кимрѣ, васъ поразитъ обширность операцій сапожного мастерства. Въ войну съ Французомъ это село обувало почти всю дѣйствующую армію. Въ уѣздахъ Тверскомъ и Весьегонскомъ издѣліе гвоздей, въ Торжкѣ—золотошвейки, басонщицы и приготовленіе разныхъ предметовъ изъ сафьяна, болѣе всего спальныхъ сапоговъ. Въ Осташковскомъ Уѣздѣ выдѣлываютъ глиняную посуду и готовятъ для продажи около трехсотъ тысячъ косъ, серповъ и топоровъ, а въ Зубцовскомъ строятъ барки для продажи. При такой разнохарактерности, и извольте теперь обозначить промышленность Тверской Губерніи краткими, но характеристическими чертами!

— Я думаю, для этого немного надо употребить времени. Я бы просто сказалъ, что здѣсь обширное судоходство, обширное земледѣліе и обширное издѣліе кожъ. Первое, въ связи съ водною системою, съ достаточностью прекрасныхъ пристаней и строеваго лѣса, непрерывнымъ слѣдствіемъ имѣетъ судостроеніе и заработки судорабочихъ; второе влечетъ за собою обработку всѣхъ видовъ хлѣбнаго товара, чему способствуетъ сосѣдство съ столицами и постоянство требованій на эти продукты. А результатъ обширнаго кожевеннаго производства, опять—таки въ связи съ предъидущими причинами — обширная переработка кожъ въ кожевенныя издѣлія.

— А золотошвейное искусство куда вы отнесете?

— Разумѣется, къ послѣдней категоріи!

— Такъ, по-вашему, оттого, что здѣсь много кожевенныхъ заводовъ, и золотошвеекъ много?

— Именно такъ; только не забудьте, что я не успѣлъ еще вамъ передать ничего о связи этой причины съ зажиточностью хлѣбныхъ торговцевъ, съ патріархальною ихъ жизнью по старинѣ, и тогда вы согласитесь, что вкусы и роскошество купечества, при его похвальномъ пристрастіи къ «лентамъ», «повязкамъ» и къ сарафанамъ, не могли не выразиться въ узорочно-вышитыхъ туфляхъ и сапожкахъ, въ блестящихъ плетеныхъ поясахъ и въ златошвенныхъ косынкахъ на женскія головы.

— Ну, а чѣмъ вы станете обусловливать торгъ невыдѣланными кошачьими шкурами, а это, какъ вы, вѣроятно, должны знать, составляетъ особенность Бѣжецкаго Уѣзда... или пряничное производство, въ Тверскомъ Уѣздѣ немаловажное? Или чѣмъ вы объясните обширное здѣсь хлопчатобумажное производство?

— Первые два промысла не стоютъ того, чтобы я сосредоточилъ на нихъ свое вниманіе, а послѣдній слишкомъ ужъ самъ-по-себѣ ясенъ. Хлопчатобумажное производство развито преимущественно въ Калязинскомъ Уѣздѣ по правой сторонѣ Волги, а этотъ участокъ нераз-

рывно связанъ съ Ярославскою Губерніею, съ Владимірскою и прилежитъ къ Московской Губерніи.

Докладъ ямщика, что экипажъ исправленъ, прекратилъ нашъ разговоръ. Мы стали усаживаться.

— Чтò жь, батюшка, старостѣ-то, положите на водку! проканючилъ жирный, рыжебородый крестьянинъ, завидуя старому ямщику, получившему хорошую наводку.

— А тебѣ за чтò?

— Какъ же, батюшка, помилуйте-съ, я староста!

— Ну, такъ чтò жь?

— Такъ не будетъ ли милости вашей...

— Да ты чтò дѣлалъ?

— Да какъ же, батюшка, я цѣлый часъ, больше часу все тутъ около вашей каретки-то возился.

— Да вѣдь ты ничего не дѣлалъ?

— Какъ, батюшка, ничего, помилуйте-съ!

— Ты даже не хотѣлъ намъ съискать столяра, кузнеца, ни кого, кто бы подставку подъ рессору сдѣлалъ!

— Праздникъ, батюшка: ипъ гдѣ въ праздникъ людей приищешь?.. Я и такъ цѣлый часъ около экипажа возился... хоть бы цѣлковенькій пожаловали!..

Пришла очередь расчитаться съ мужикомъ за простую доску, въ аршинъ длины, которою онъ подперъ намъ рессору.

— Сколько тебѣ нужно?

— Чтò пожалуете.

— Я не хочу жаловать, я хочу заплатить?

— Три полтины, положьте!

— Ассигнаціями?

— Нынче кто на ассигнаціи считаетъ!

Мы поспѣшили удовлетворить его, обрадованные, что такъ дешево за доску раздѣлались.

— Эхъ ты, болванъ! прямая дубина! Чего ты ротъ-то разинулъ на полтора цѣлковыхъ! кричалъ староста на мастера. — Ну, взялъ бы семь серебромъ — и дали бы! Безъ подставы-то рессора бѣ обломилась: тошнѣй бы имъ пришлось!.. Эхъ, ты, болванъ! болванъ!

Ужъ вечерѣло, приближались сумерки; мы въѣхали въ Тверь. Еще въ Торжкѣ слышались мы, что Волгу ломаетъ; подъ Тверью, не вдалекѣ отъ нея, ледъ ужъ тронулся, поэтому, немѣшкая нигдѣ ни мпнуты, мы, сломя голову, скакали всю дорогу; но многолюдное стеченіе публики на набережной въ Твери, множество обозовъ съ выпряженными лошадьми, бѣготня и суматоха по мосту, развѣздные и полицейскіе у сѣздовъ — все это ясно говорило намъ, что едва-ли мы ужъ не опоздали.

Но мы въ дормѣзѣ не-уже-ли судьба не сжалится надъ щегольскимъ экипажемъ?

— Черезъ мостъ ужъ не пускаютъ?

— Последнюю рогатку ставятъ... сейчасъ ледъ тронется!

— Покамѣстъ все-еще благополучно и рогатка еще не уставлена,

позвольте намъ проѣхать черезъ мостъ: мы духомъ промчимся... Мы утромъ непременно должны быть въ Москвѣ, во что бы то ни стало... дѣло чрезвычайной важности!

— Радъ, что могу услужить вамъ дозволеніемъ... Счастливаго пути-съ!

«Вотъ добрый человѣкъ!» подумали мы оба вмѣстѣ. «Не будь онъ такъ благосклоненъ, каково же бы намъ было дня три-четыре понапрасну въ Твери зажитья! Сколько бы мы времени погубили! сколько бы крови испортили...

— А что, Валерій Ивановичъ, вѣдь не всякому такое счастье бываетъ?

— Не всякому.

— Вѣдь это добрая примѣта?

— Примѣта добрая!

— Повезетъ ли-то намъ завтра въ Москвѣ?

— Да, объ этомъ стоить подумать... Тамъ мостъ-то для насъ по-важнѣе! Тамъ онъ долженъ провести васъ черезъ всю пучину препятствій къ совершенію продолжительнаго путешествія. Дай Богъ, чтобъ и тамъ не успѣли для васъ поставить послѣдней рогатки!.. А сколько воевъ позавидуютъ тогда вашей каретѣ!

Между-тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Легкая коляска и тяжелый тарантасъ, стоявшіе у подъѣзда, предупредили насъ, что мы встрѣтимся здѣсь съ посторонними людьми. Это насъ какъ-будто обрадовало: съ самаго выѣзда изъ Петербурга мы рѣшительно ни съ кѣмъ на станціяхъ не сталкивались.

Комната, въ которую мы вошли, полна была табачнаго чаду. Дымъ стоялъ столбомъ и скрывалъ отъ насъ картину, которая происходила передъ нами; только тусклый огонѣкъ двухъ сальныхъ свѣчъ, сіяніе которыхъ скрадывалось куревомъ, едва-едва мерцалъ лѣнивымъ пламенемъ. Когда, присмотрѣвшись къ окружавшему насъ полумраку и освободясь отъ верхняго платья, мы углубились въ комнату, то замѣтили двухъ господъ, сидѣвшихъ на волосаномъ диванѣ за раскинутымъ столомъ, освѣщеннымъ нагорѣлыми и вполонину уже оплывшими свѣчами.

Одинъ изъ проѣзжихъ посѣтителей былъ невысокъ ростомъ и тученъ, какъ Лаблашъ... но нѣтъ, по росту его и нельзя съ Лаблашомъ сравнить... вѣрнѣе будетъ, если мы назовемъ его паномъ Копычинъ-скимъ. Это былъ пожилой мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ челомъ, простиравшимся отъ рыжеватыхъ бровей до самаго затылка. Рѣденькіе, рыженькіе клочки волосъ, гладко и плотно причесаны были къ вискамъ. Лохматая бородашка торчала щетиной; коротенькій носъ гордо поднимался нѣсколько кверху надъ толстою верхней губой. Неуклюжій свѣтлоричневый пиджакъ, фантастически-широкіе шальвары, кожаный егерскій картузь, коротенькая трубка, на шелковыхъ шнуркахъ, повѣшенная черезъ плечо, огромный кисетъ съ табакомъ, прицѣпленный къ пуговицѣ, наконецъ, техническіе термины, которыми этотъ господинъ пестрилъ свой изящный разговоръ—все обличало въ немъ охотника.

Другой господинъ былъ не толстъ и не тонокъ, однакожъ не то,

чтобъ плотный мужчина, но все же не кашей какой-нибудь. Ни въ нарядѣ его, ни въ выраженіи лица, ни въ ухваткахъ не было ничего ни изысканнаго, ни поразительнаго для глаза; только матовая блѣдность, покрывавшая его лицо, осященное темными бакенбардами, да еще какая-то мутность въ глазахъ и безжизненность взгляда производили на меня какое-то отталкивающее дѣйствіе.

Оба господина играли въ «лѣгонькую», какъ называли они гальбцвѣльверъ, переименовывая его иногда, порусски, въ «гальбикъ», курили и пили; но все это дѣлали они, какъ изъ словъ ихъ оказывалось, не по страсти къ картежной игрѣ, а собственно изъ желанія какъ-нибудь провести праздныя минуты, въ ожиданіи закладки лошадей въ экипажи.

Блѣдный господинъ сдавалъ карты, говоря повременамъ «лопнула», но чаще всего молча проводилъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ черточку подъ черточкой: собраніе этихъ черточекъ составляло собою порядочную колонну. Толстый господинъ пыхѣлъ и отдувался, повременамъ сильно теръ себя по лбу, повременамъ подергивалъ себя за виски, повременамъ чесалъ затылокъ, повременамъ приговаривалъ то «еще одну», то «довольно», но эта перестрѣлка отдѣльных восклицаній нисколько не препятствовала свободному теченію давно-начатаго и интереснаго разговора.

— Тенёты-съ? Нѣтъ, ужъ увольте-съ! Кто жъ тенётами лисицъ ловить! замѣчалъ толстякъ.

— Да вѣдь тенётами-то крестьяне облаву и дѣлаютъ! возражалъ блѣднотлицый.

— Крестьяне! Но вѣдь то мужики, люди, лишённые эстетическаго чувства!

— Да тенётами же и вѣрнѣе ловить звѣря!.. Лопнула!

— Вѣрнѣе-то оно, точно вѣрнѣе, говорилъ бочкообразный егеръ, записывая что-то мѣломъ на столѣ. — Тенётами оно дѣйствительно вѣрнѣе... но, знаете, тутъ нѣтъ того, что этакъ, знаете, возбуждаетъ духъ, этакъ... волнуется... Пожалуйте еще карту. Волнуется, знаете, чувства... Тутъ кипитъ.. кипитъ въ груди... я несусь, мчусь на лихомъ конѣ... собака преслѣдуетъ звѣря... тамъ звукъ роговъ... Еще карту!.. Я становлюсь героемъ и съ триумфомъ вонзаю свой мечъ въ затравленнаго звѣря... Считайте!.. Ну, что за радость тенётами? ничего такого нѣтъ... да и что за отрада смотрѣть, какъ мужики бьютъ звѣря палками!

— Вы съ гончими охотитесь?

— Напрасно такъ полагаете! У меня настоящая псовая охота! Своя богатая! Я съ борзыми... лопнула... Но, вѣдь, борзья нѣжнаго сложенія: за ними нуженъ присмотръ, да присмотръ. У меня на пятерыхъ одинъ человѣкъ.. Недавно выписалъ изъ Петербурга пять дюжинъ трубъ серебряныхъ; отличный тонъ; у меня Спирька на нихъ наострился—изъ «Фрейшюца» играетъ! Моей охотѣ всѣ завидуютъ; у меня на сворѣ больше трехсотъ... Ухаживаю за ними... Особенно по первой порошѣ изъ стаи много выбываетъ, при азардной травлѣ... Ну, меликъ-ветеринаръ... псарямъ и доѣзжачему особые костюмы...